

23.07.23

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ САНКЦИОННОЙ ЭСКАЛАЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ ЕЩЕ ЕСТЬ

ЧЕМ РОССИИ ГРОЗИТ 11-Й ПАКЕТ ОТ ЕС И ЧТО ЕЩЕ МОГУТ ЗАПРЕТИТЬ

В 11-м пакете санкций мы видим абсолютно четко, что теперь ЕС идет по американскому пути и использует санкционные инструменты для давления на компании из третьих стран с целью пресечения попыток их использования для обхода антироссийских санкций. В этом состоит важнейшее отличие, самая главная особенность 11-го пакета, которая его выделяет. Все остальные инструменты этого пакета, по сути, не содержат ничего нового.

Чем 11-й пакет санкций принципиально отличается от других?

Главная его особенность состоит в том, что этот пакет закрепляет переход движения ЕС по пути тиражирования практики вторичных санкций. Мы ждали устойчивого официального закрепления этого перехода, наверное, начиная еще с 8-го пакета, то есть с осени прошлого года. Уже тогда были сигналы, что ЕС тоже станет распространять свой санкционный режим за пределы собственной юрисдикции по аналогии с Соединенными Штатами. Сам ЕС никогда это не подтверждал, представители европейского истеблишмента неоднократно заявляли, что выступают против принципа экстерриториальности. Но сейчас в 11-м пакете мы видим абсолютно четко, что теперь ЕС идет по американскому пути и использует санкционные инструменты для давления на компании из третьих стран с целью пресечения попыток их использования для обхода антироссийских санкций. В этом состоит важнейшее отличие, самая главная особенность 11-го пакета, которая его выделяет. Все остальные инструменты этого пакета, по сути, не содержат ничего нового. Все, что им вводится, было абсолютно ожидаемым. Энергетические санкции и ограничения нефтепотока по северной ветке «Дружбы» полностью соответствует заявленному курсу на полный отказ от российской нефти. Транспортные ограничения тоже были вполне ожидаемы, как и ужесточение запрета на импорт из России товаров из железа и стали. 11-й пакет – это во многом попытка маскировать меры, которые уже фактически вступили в силу, под некое ощущение эскалации санкционного давления на Россию.

При этом пик жесткости санкционного давления уже пройден. Это произошло где-то к сентябрю прошлого года. Во-первых, нам стало понятно, по какому пути мы идем и чего нам ожидать в будущем. Во-вторых, это стало понятно контрагентам из стран – инициаторов санкций. И самое главное, курс, по которому идет Запад в отношении России, стал понятен компаниям из третьих стран. Поэтому компании и из дружественных, и из недружественных юрисдикций за прошедшие почти полтора года уже имели возможность четко сформулировать собственные приоритеты. Те, кто хотел уйти с нашего рынка, уже ушли. Те, кто решил продолжать сотрудничество с

Россией, приняли достаточно взвешенное решение, обусловленное коммерческой выгодой, и каждый следующий пакет вряд ли может резко изменить их отношение к желанию работать с нашей страной. Естественно, это официальное закрепление практики вторичных санкций ужесточит и усилит уровень санкционного комплаенса (санкционный комплаенс – это система внутренних норм и правил компании, которая нужна, чтобы снизить риск нарушения санкционных ограничений) со стороны иностранного бизнеса. Но, учитывая, что вторичные санкции уже много лет являются особенностью американской санкционной политики, просто ориентируясь на американское законодательство, иностранные контрагенты уже заложили в свои бизнес-процессы эти риски. Они уже начали использовать инструменты для минимизации возможного ущерба от вторичных санкций. Это и торговля в национальных валютах, и перерегистрации бизнеса, и взаимодействие через посреднические организации, и ряд других мер. В ответ на практику вторичных санкций США в дружественных нам странах, с которыми мы активно сотрудничаем, начали формироваться самостоятельные кластеры, ориентированные на работу с Россией и непосредственно с российским рынком, фактически не вовлеченные в цепочки добавленной стоимости с участием Соединенных Штатов в частности, да, в общем-то, и с ЕС тоже. То есть бизнес-процессы уже на 90 процентов перестроились. Это закрепление режима вторичных санкций ЕС может оказать какое-то влияние на иностранные компании, мало связанные с американским рынком, но имеющие активы в Европе, которые действительно могут начать более активно сворачивать операции с Россией, но процент этих компаний близок к уровню статистической погрешности.

Для каких стран Европы ограничение на прокачку российской нефти по нефтепроводу «Дружба» окажется наиболее болезненным?

Магистраль, как известно, разделяется на две ветки: северная направлена в Прибалтику, Польшу и Германию, а южная проложена через Украину до Чехии, Словакии, Венгрии и Хорватии.

Что касается северной ветки, по сути, нынешний санкционный пакет закрепляет то, что на 70 процентов уже действует. И Польша, и Германия как основные получатели российской нефти по северной ветке уже прекратили закупки в начале 2023 года. У нас в феврале статистические данные прокачки нефти по этому нефтепроводу показали резкий тренд на снижение. То есть данные ограничения уже вступили в силу, и, по сути, ЕС просто для придания большего политического веса и для создания иллюзии нагнетания санкционного давления закрепил то, что уже действует. Поставки в Латвию и Литву тоже где-то к марту значительно сократились. Нынешнее ограничение в процентном отношении от всех поставок по трубопроводу «Дружба» составляет, может быть, процентов 15. Да, это ощутимо, но не смертельно, поэтому большой катастрофы или чего-то, чего мы не ожидали, я здесь не вижу.

Что касается южной ветки, то любая санкционная мера имеет как прямое экономическое воздействие, так и политическое сигнальное. Ограничение, распространяющееся на северную ветку, посылает сигнал, что южная ветка может стать следующей, и в этой части наши недружественные партнеры из числа тех, кому мы поставляем нефть, начнут сейчас еще более активно диверсифицироваться, переходить на альтернативные поставки. Но, на мой взгляд, в ближайшие месяцы согласовать ограничения еще и по южной ветке будет крайне сложно, потому что от нее «питаются» Венгрия, Чехия, Словакия, для которых поставки из России остаются

критически значимыми. В целом мы идем по пути окончательного снижения экспорта нефти в европейскую часть, но происходит это достаточно плавно и медленно. Это не эффект шоковой терапии.

«Газпром» на днях тоже заявил, что он в своих планах перестает рассматривать Европу как перспективный рынок. А зачем мы тогда создаем в Турции газовый хаб? Мы же рассчитываем, что газ оттуда пойдет в Европу. Как это увязать между собой?

Тут есть и экономический, и политической компонент. «Газпром» в свете сложившейся ситуации не приоритизирует непосредственное прямое сотрудничество с Европой, однако это не должно сказываться на характере сотрудничества и исполнении достигнутых ранее договоренностей с нашими дружественными партнерами, в первую очередь с Турцией, которая остается одним из наших главных стратегических партнеров. Мы прекрасно понимаем, что Турция извлекает достаточно серьезные выгоды из сотрудничества с Россией, чем более тесным будет это сотрудничество, чем весомее будут эти выгоды, тем надежнее окажется наше партнерство. Одновременно наш коммерческий интерес состоит в том, что газовый хаб – это определенно мощный инструмент диверсификации газовых поставок независимо от того, какие страны станут конечными получателями наших ресурсов. Кроме того, важно понимать, что создание хаба будет работать на обеспечение справедливого ценообразования, которое возможно только в условиях сбалансированного предложения, а это уже имеет не только региональные, но и глобальные последствия.

Плюс газовый хаб будет работать еще и на взаимодействие с иными партнерами, поскольку к инициативе в перспективе могут подключиться и Катар, и Азербайджан, и Алжир.

МИД России заявил, что этот очередной недружественный шаг в виде 11-го пакета не останется без ответа. Как будем отвечать?

Во-первых, российский МИД уже заявил о том, что расширяет список лиц, попадающих в наш черный список. Во-вторых, любой прогноз ответных мер сейчас, наверное, будет не очень корректным, поэтому давайте подождем. Я знаю, что уже очень долго прорабатывается вопрос о расчетах в национальных валютах по иным сырьевым позициям, помимо газа. Это могут быть нефть, металлы и иные позиции. Гарантий того, что ответ окажется именно таким, конечно, нет, но, возможно, мы станем идти по этому пути и делать акцент на использовании российского рубля в качестве средства расчета по критически важным товарным группам. В целом же набор ответных мер может быть достаточно широким, но каждая из них требует тщательной и многосторонней проработки, которая сейчас ведется. Поэтому более детально прогнозировать что-то сейчас не имеет смысла.

ЕС в этом 11-м пакете запретил перевозку грузов в своих пределах прицепами, зарегистрированными в России, а судам, нарушившим правила нефтяного эмбарго, будет запрещено заходить в порты. Мы тоже запретим их транспорту пересекать нашу границу?

Конечно, мы можем это сделать, но я думаю, что характер ответных мер должен быть и будет выборочным. Нельзя запретить абсолютно все. Полное секторальное эмбарго

мы не введем. Введение же точечных ограничений требует и серьезной работы, и продолжительного времени, чтобы соблюсти интересы, в том числе дружественных для нас партнерских юрисдикций. Я уверена, что она идет. Полагаю, что мы вполне можем ввести ограничения на транзит каких-то товаров по нашей территории, но, опять же, я не думаю, что это произойдет молниеносно. Несколько месяцев на проработку всех сценариев, очевидно, уйдет.

В санкционные списки добавили 87 организаций из Китая, Узбекистана, ОАЭ, Сирии и Армении, обвинив их в сотрудничестве с военно-промышленным комплексом РФ. По всей видимости, это делается в виде некой демонстративной порки, чтобы другим неповадно было. По вашему мнению, как там и не только там на это отреагируют?

Мы не можем говорить, что такие меры не имеют никакого эффекта. Конечно, эффект есть. Ограничения против компаний повышают уровень их санкционного комплаенса, но это совсем не означает, что компании из дружественных стран, которые попали в санкционные списки ЕС или которым грозит эта участь, начнут немедленно сворачивать свое сотрудничество с Россией. Нет. Они будут более детально, внимательно и осторожно прорабатывать схемы взаимодействия. Я уже говорила, что полтора года, которые прошли с начала специальной военной операции, – это достаточный срок для того, чтобы каждая иностранная компания определилась со своей стратегией. Те, кто хотел уйти, уже ушли, те, кто продолжает с нами работать, по-прежнему будут это делать. Другое дело, что механизмы взаимодействия, схемы поставок, валютные транзакции станут прорабатываться еще более тщательно, а значит, могут возрасти издержки таких транзакций, комиссии, которые посреднические организации будут брать за поставки и перевозку более рискованных грузов. Понятно, что США, ЕС и Запад в целом за прошедшие полтора года уже имели возможность осознать, что санкционные инструменты против России не работают, если мировое большинство к ним не присоединяется. Поэтому они все полтора года делали и продолжают делать все, чтобы давить на бизнес. В частности, организуют бесконечные визиты американских конгрессменов, а также иных должностных лиц и на Ближний Восток, и в Турцию, и в Индию, и по постсоветским государствам. Они напрямую взаимодействовали с отраслевыми организациями – аналогами союзов промышленников и предпринимателей, торгово-промышленных палат, деловыми кругами с целью разъяснения особенностей санкционного комплаенса, ответственности за несоблюдение санкционного законодательства. В целях прямого воздействия на бизнес была создана и позиция спецпредставителя ЕС по санкциям. Но, на мой взгляд, процент компаний, которые после включения в санкционный список 87 организаций решат полностью свернуть свое сотрудничество с Россией, будет все-таки минимален, равен технической погрешности. Все остальные продолжат работу, хотя и станут просчитывать риски более внимательно. По этой причине могут иметь место задержки при оформлении контрактов, более высокая стоимость услуг посреднических контрагентов, но тем не менее механизм будет продолжать работать.

По инициативе США и Японии в ближайшее время должны состояться консультации по украинскому конфликту с привлечением стран, не присоединившихся к антироссийским санкциям. Проведение встречи планируется в Копенгагене. На нее уже приглашены представители Индии и Китая. Обсуждается возможность приглашения Саудовской Аравии, ЮАР, Бразилии и Турции. Как вы считаете, что они скажут приглашенным, как попытаются на них надавить и что можно ждать от этой конференции?

Ничего нового не случится. Будут ровно те же послы, которые мы слышим уже на протяжении полутора лет. Причем даже риторика будет одна и та же. Начнем с того, что делегации из этих стран и сами эти страны, которые являются объектом данной инициативы, – Китай, Индия и остальные – прекрасно понимают, о чем с ними собираются говорить. Прекрасно понимают, что на них будут продолжать давить. Поэтому еще неизвестно, какие решения они примут по поводу своего участия в этом мероприятии, какого уровня делегации направят (и направят ли). Кроме этого, исходя из понимания того, что на них будут пытаться оказывать давление, наши партнеры продолжают по-прежнему продвигать собственную позицию. В результате, скорее всего, это будет разговор о разном. Делегации стран, которые не присоединяются к антироссийским санкциям, но при этом примут решение об участии в данной инициативе, вероятнее всего, станут делать акцент на необходимости мирного диалога, на том, что санкции наносят ущерб абсолютно всему миру, не только России, но и третьим странам, и будут призывать к разрешению сложившейся ситуации. А страны-инициаторы продолжают по-прежнему настаивать на эскалации санкционного давления, необходимости консолидации вокруг принципов, «основанных на правилах», будут дополнительно разъяснять принципы собственного санкционного законодательства и инструментов вторичных санкций, делать акцент на ответственности, которая может последовать за обход санкционных механизмов. Соединенные Штаты опять будут говорить о рисках административного и уголовного преследования, о штрафных санкциях в отношении компаний, которые продолжают работать напрямую или через посредников с российской стороной. Я думаю, что сейчас они станут делать акцент на консолидации режима вторичных санкций. Это, наверное, главное, что можно отметить из нового в этих усилиях. Если раньше Соединенные Штаты являлись единственной страной, которая использовала вторичные санкции, то сейчас они будут делать акцент на том, что, работая с Россией, «вы потеряете не только рынки США, американский капитал и технологии, но еще и партнеров в Европе». На мой взгляд, встреча может развиваться по одному из двух сценариев.

Первый сценарий может иметь характер двух параллельных монологов, один из которых строится вокруг тезисов о «взаимоуважении, многополярности и глобальном вреде многосторонних ограничительных мер», а второй – на сохранении системы правил, установленных западным блоком на правах их «демократичности» и «лучшей осведомленности» о том, по какому пути должен идти развивающийся мир.

Второй сценарий может представлять собой исключительно монолог консолидированной группы инициаторов о необходимости присоединения к санкционным режимам против России без какой бы то ни было реакции со стороны представителей неприсоединившихся государств. Тем не менее политически сам факт проведения такой встречи, а также оценка характера заявлений и состава делегаций

станет важным сигналом для бизнеса третьих стран, внимательно отслеживающего новые тренды в антироссийском санкционном законодательстве.

На днях завершился визит премьер-министра Индии Нарендры Моди в Вашингтон. Президент США Джо Байден призвал индусов придерживаться при покупке российской нефти санкционного потолка цен и присоединиться к другим ограничительным механизмам. Моди, в свою очередь, выразил поддержку Украине, ее территориальной целостности и борьбе за нее. Это сигналы для нас? Ждать ли в перспективе какой-то коррекции позиции Индии в отношении сотрудничества с Россией?

Вы знаете, это никакие не сигналы. На протяжении последних 6 месяцев мы постоянно слышим какие-то высказывания и заявления, среди которых трудно отделить элементы информационной борьбы от официально высказанных позиций. Несколько месяцев назад были информационные вбросы, что Индия уже точно присоединилась к санкциям в отношении России в части соблюдения установленного потолка цены на нефть. Но по факту оказалось, что никаких официальных заявлений на этот счет сделано не было. Кроме того, заявления со стороны Индии имеют совершенно иную коннотацию, нежели трактовка Соединенных Штатов. Когда индийские представители власти, например, говорят о поддержке Украины, США видят в этих заявлениях противодействие России. В то время как индийская сторона вкладывает в них смысл стремления к миру и деэскалации напряженности. Совершенно разные трактовки. Естественно, Соединенные Штаты и американские СМИ могут эти высказывания интерпретировать, и они будут это делать ровно так, как выгодно им. Но суть от этого не меняется. Индия стремится к миру, стабильности, многополярности и взаимному уважению. И в этом контексте, естественно, они заявляют о стремлении к миру и его поддержке, в том числе и на территории Украины. Соединенные Штаты трактуют это совершенно иначе. Это все сигналы, которые выражают желание мира, но я не думаю, что в позиции индийской стороны может что-то радикально измениться. Во всяком случае, я, анализируя выступления индийской стороны, таких сигналов не вижу.

А визит госсекретаря США Энтони Блинкена в Китай? Они же его там в прямом смысле ширмой загоразивали, все переговоры были крайне закрытыми. После них никаких заявлений ни американцы, ни китайцы не сделали, к прессе не вышли. И потом никаких утечек в прессу никто не организовал. Все покрыто тайной. Китай присоединится к санкциям или хотя бы ужесточит по отношению к нам свою позицию?

Я не вижу оснований для этого. Отсутствие публичных заявлений свидетельствует об отсутствии желанных для США договоренностей, а закрытый характер — о возможном существовании предмета торга со стороны США (неких бонусов, которые они пытаются предложить Китаю за ужесточение позиции в отношении России), которые преждевременно озвучивать, если принципиальные договоренности не достигнуты.

То, как мы продолжаем взаимодействовать с китайским бизнесом, не дает оснований полагать, что на этой встрече были достигнуты какие-то договоренности, радикально меняющие позицию китайского руководства в отношении сотрудничества с нашей страной. Кроме того, диалогу не способствует и риторика американских должностных

лиц. Американская администрация сама себе противоречит. С одной стороны, Блинкен поехал с целью наладить диалог с китайской стороной, с другой – есть господин президент Соединенных Штатов, который одновременно с этим визитом назвал председателя КНР «диктатором», задав иную тональность диалогу, нежели рассчитывала американская делегация. Об этом тоже не будем забывать. В результате мы видим, как попытки наладить диалог одновременно сопровождаются еще более жесткими и агрессивными выпадами в адрес руководства Китая. Этот формат взаимодействия конструктива явно не приносит. А учитывая, что Китай и китайские компании все полтора года продолжают работать с российским рынком и там сформировался целый кластер, который заточен под работу с Россией, то я, опять же, несмотря на всю загадочность и таинственность вокруг американо-китайских приговоров, не вижу предпосылок для изменения тональности наших экономических взаимоотношений.

Канцлер Германии Олаф Шольц говорит, что 11-й пакет – это еще не конец. А президент Литвы Гитанас Науседа 22 июня уже предложил партнерам по Евросоюзу начать готовить 12-й пакет антироссийских санкций. Что может быть в следующем пакете? Успеем ли мы сыграть на опережение и заранее подпереть слабые места, в которые они будут бить нашу экономику?

Это все абсолютно ожидаемо и понятно. Об 11-м пакете я уже сказала, в чем его знаковость – по сути, в закреплении инструментария вторичных санкций. Теоретически инструменты для дальнейшей санкционной эскалации в отношении России еще есть. Мы не можем сказать, что весь их запас полностью исчерпан. Нет. Есть возможности ограничения закупки алмазов. Гипотетически есть возможность ввести какие-то атомные санкции. То есть сохраняются направления экономического взаимодействия, которые можно было бы ограничить. Однако нужно понимать, что, во-первых, санкции работают по принципу убывающей предельной эффективности, когда «добавленный ущерб» каждого следующего пакета оказывается все ниже. Во-вторых, каждый следующий санкционный пакет, привносящий что-то новое, будет все более серьезно ударять по европейским странам, содействуя дезинтеграции Европы. Европа очень разнородна. Есть группы стран с высокой инфляцией и очень высоким уровнем долга, есть группа стран, более зависящих от сотрудничества с Россией, есть менее, поэтому где-то после 7–8-го пакета согласовывать каждый следующий становится все сложнее. Теоретически не в 12-м, а скорее в 13–14-м пакете европейские страны, может быть, придут к согласованию алмазных санкций. Этот вопрос несколько раз поднимался, но согласовать так и не удалось (главным образом из-за позиции Бельгии). Если попытаться ранжировать последующие возможные ограничения по их степени вероятности, наверное, ближайшее, что они попытаются согласовать, – это ограничение возможностей России торговать своими алмазами. Я думаю, что в 12-м пакете не окажется никаких серьезных функциональных прорывов, а будет, опять же, стандартное расширение списка компаний, причастных к обходу санкций. То есть это будет санкционный пакет, нацеленный на ужесточение ответственности за обход. Сейчас в 11-м пакете 87 компаний, к которым, возможно, будут добавляться новые компании, тем самым демонстрируя решительность в преследовании и наказании бизнес-структур за сотрудничество с Россией. Также наверняка последует ужесточение контроля за соблюдением всех предыдущих санкционных режимов. В 11-м пакете прописано ужесточение запрета импорта из России товаров из железа и стали, когда импортеры должны предоставлять

надзорным органам документальное подтверждение того, что товары не импортируются из России. То же самое будет и в отношении ранее принятых ограничений на торговлю. Но содержательно ничего нового, я думаю, в 12-м пакете не окажется. В 13–14-м могут согласовать алмазные санкции. Оснований для атомных санкций я не вижу, как минимум Франция и Венгрия критически заинтересованы в сотрудничестве с «Росатомом». Дальнейшее ограничение в отношении закупки металлов, тех же самых редкоземельных, я тоже не вижу. Ограничение транзита через Россию — это сделать себе дороже, потому что многие европейские страны критически зависят от поставок из Азии. Если такие ограничительные меры принять, то Европа пострадает больше, чем Россия. Поэтому будут давить на вторичные механизмы, расширять список товаров двойного назначения, список иностранных компаний, привлеченных к ответственности за обход, но вряд ли мы можем ждать каких-то стратегических прорывов.

Наша экономика справляется с теми 11 пакетами санкций, которые на нас навалили, готова ли она, как говорится, грудью встретить 12-й, 13-й и все последующие? Как мы выдерживаем эти удары?

Да, я считаю, что наша экономика адаптировалась. Это видно и по статистике, и по настроению бизнеса. Что нам удалось? Важно детально анализировать не только сегодняшнюю точку, а все то, что происходило в последние полтора года. На мой взгляд, после начала санкционного цунами наши власти приняли и взяли на вооружение как минимум три ключевых инструмента, которые действительно позволили нашей экономике адаптироваться.

Первый — это введение валютного контроля, когда средства нерезидентов были фактически заморожены на бирже, увеличена доля обязательной продажи валютной выручки до 80 процентов.

Второй инструмент — это введение схемы расчетов в рублях за российский газ, позволившей стабилизировать валютный курс и укрепить инвестиционный ресурс рубля.

И третий инструмент, очень важный, — это введение временного моратория на банкротства. Все первые полгода, которые оказались наиболее сложными для нашего бизнеса, действовал мораторий на банкротства. Это позволило многим компаниям и экономике в целом удержаться на плаву. Плюс дополнительно был внедрен значительный стимулирующий пакет. В него входило и субсидирование процентных ставок, и льготное кредитование с пересмотром политики госзакупок, с введением системы офсетных контрактов (офсетный контракт — это долгосрочный договор поставки со встречными инвестиционными обязательствами. Другими словами, инвестор открывает в городе новое производство, а город гарантирует, что будет покупать его продукцию в течение нескольких лет). С конца 2022 года активно реализуется программа дополнительного проектного финансирования. Минпромторг активно этим занимается. Идет масштабная поддержка бизнеса по самым разным направлениям, прежде всего в критически важных отраслях, о чем на Петербургском международном экономическом форуме много говорилось.

И самое главное, что я хочу особо подчеркнуть, несмотря на ограничение доступа к внешним рынкам капитала, Россия сейчас обладает возможностью для наращивания

инвестиционной эмиссии. Это к вечному вопросу: где брать деньги? Части золотовалютных резервов мы лишились, определенный отток капитала в 2022 году тоже был, но у нас сейчас появилась возможность заместить недостающее финансирование. Мы эту возможность раньше недооценивали, а сейчас, наверное, наконец поняли, что никто нам не мешает проводить эмиссию. Если эта эмиссия инвестиционная, то она не трансформируется в рост инфляции, учитывая, что у нас низкий уровень монетизации экономики, а существующая инфляция по большей части немонетарного происхождения. Поэтому у нас есть возможность включить печатный станок в инвестиционных целях и направить эти средства на поддержку отечественной промышленности и бизнеса без какого-либо дополнительного ущерба.

Еще один очень интересный момент. Вопреки законам экономической теории у нас сложилась уникальная ситуация, которая позволила нам одновременно достичь низкого уровня инфляции и низких показателей безработицы. Это обеспечило достаточно высокий уровень консолидации общества, вырос уровень кредитного, потребительского доверия, индекс доверия к власти. То есть уровень социальной стабильности и доверия к экономической системе сейчас значительно выше, чем он был год назад, когда против нас вводили первые санкционные пакеты.

Сейчас мы уже адаптировались, и выстраивать какие-то новые стратегии стало гораздо более комфортно, менее проблематично и с большей долей уверенности в завтрашнем дне. И главное – это преемственность курса, и президент об этом говорил на ПМЭФ, что не будет сокращения того курса на стимулирование экономического развития, который был взят в прошлом – начале нынешнего года. Сейчас мы идем по пути формирования экономики предложения, вливаний в бизнес, поддержки критически важных секторов экономики и одновременно поддержки внутреннего спроса за счет множества социальных программ, в том числе поддержки ипотечного кредитования, сфер образования, науки, здравоохранения. Преемственность этого курса будет сохраняться. Это обеспечивает уверенность бизнеса, уверенность населения в завтрашнем дне и только укрепляет адаптивный ресурс нашей экономики. Резюмируя, надо сказать, что ущерб от санкций есть, его никто не отрицает, но он не так значителен, чтобы парализовать экономическую систему и лишить ее объективных конкурентных преимуществ, как этого ожидали наши оппоненты.

Впервые опубликовано на портале "Бизнес онлайн": Арапова Е.Я. Инструменты для дальнейшей санкционной эскалации в отношении России еще есть. *Бизнес онлайн*. 28.06.23. <https://mkam.business-gazeta.ru/article/598680>

Источник: **Инструменты для дальнейшей санкционной эскалации в отношении России еще есть**

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Арапова

ведущий научный сотрудник Института международных исследований

Местоположение: Москва , Россия

Сфера компетенций: экономика

Область экспертизы: санкции, БРИКС

Профессиональный опыт: МГИМО МИД, Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала»

